

А. В. ЕМЕЛЬЯНОВА

*Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Мемуарные свидетельства о негосударственном обучении иностранным языкам в российских столицах в XVIII в.

Статья посвящена анализу мемуарных свидетельств о негосударственном преподавании иностранных языков в Москве и Санкт-Петербурге в XVIII в. Автором выявлено 13 опубликованных источников, содержащих сведения о данном феномене. Установлены характеристики источникового корпуса, отражающие общие тенденции развития российской мемуаристики: позднее происхождение документов, посвященных XVIII в., и преобладание среди авторов представителей дворянства. Превалирование в кругу мемуаристов дворян отражает ощутимую вестернизацию этого сословия в XVIII в. Выделены особенности репрезентации в мемуарных текстах овладения иностранными языками и показано, что основное внимание их авторы уделяли характеристикам учителей, составу предметов и методикам обучения.

Ключевые слова: российская мемуаристика, XVIII в., Москва, Санкт-Петербург, негосударственное образование, преподавание иностранных языков.

XVIII в. стал временем интенсивной вестернизации России. В это время в число важнейших учебных предметов вошли иностранные языки, обучение которым получило отражение в источниках различных видов, от нормативных актов до эго-документов. Последние играют особую роль в исследовании негосударственного образования, слабо освещенного в официальном дискурсе. Среди эго-документов, отразивших те или иные аспекты негосударственного преподавания иностранных языков, важное место занимают мемуары. Выдающийся литературовед В. Э. Вацуру, говоря о значении этой разновидности исторических источников, писал: «Мы обязаны помнить, что мемуары подвержены всем случайностям человеческой памяти, допускающей невольные ошибки, — подчас путаются лица, даты, смещается

последовательность событий. Все это — органическая принадлежность мемуаров, особенность их как источника. „Верить“ им до конца было бы ошибкой, но отвергать их, найдя в них противоречия или несоответствия современному нам взгляду, — двойная ошибка. Они удерживают сведения, которых не содержат никакие другие документы»¹. Эти слова вполне применимы и к воспоминаниям о негосударственном преподавании иностранных языков в России XVIII в., в которых сохранились редкие сведения о формах и методах обучения, характеристики учителей и другая информация, не попавшая в официальную документацию. Последнее обстоятельство ставит задачу выявления корпуса мемуарных источников по избранной теме и анализа его информационного потенциала. В представленной статье на основе сведений опубликованных мемуарных текстов будут рассмотрены практики изучения иностранных языков в XVIII в. как на дому, так и в частных пансионах в пределах Москвы и Санкт-Петербурга.

Несмотря на значительную эвристическую значимость мемуарной информации о негосударственном преподавании иностранных языков в российских столицах, эта проблематика пока не получила должного освещения в историографии. Одна из очевидных причин кроется в том, что само явление негосударственного обучения стало попадать в поле зрения историков педагогики лишь в конце XX — начале XXI в. До этого времени под историей образования понималась в первую очередь история школьных учреждений. Среди немногочисленных исключений, связанных с рассмотрением опыта негосударственного образования в историко-педагогических работах, следует выделить труд профессора И. В. Чувашева о дошкольном воспитании в дореволюционной России. В данной монографии он обратил внимание на сведения о негосударственном образовании в мемуарных текстах второй четверти XVIII в.²

Рассмотрение аспектов негосударственного образования, в частности мемуаров о частном и домашнем обучении иностранным языкам в российских столицах в XVIII в., долгое время оставалось попутным сюжетом в исследованиях, посвященных иным вопросам. Наиболее активное привлечение мемуаров как источников по негосударственному обучению иностранным языкам в указанный период связано с именем Н. Д. Чечу-

¹ Вацуро В. Э. Пушкин в сознании современников // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. I. С. 5.

² Чувашев И. В. Очерки по истории дошкольного воспитания в России (до Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1955. С. 10.

лина, написавшего в начале 1920-х годов фундаментальную работу «Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века»³.

Возрастание интереса к истории негосударственного образования в России XVIII в. и появление специальных работ по этой теме началось в постсоветский период. Среди исследований, вышедших в начале XXI в., следует выделить статьи и монографии В. Ржеуцкого, О. Ю. Солодянкиной и О. П. Суриной, посвященные проблемам преподавания иностранных языков и педагогической деятельности иностранцев в России XVIII в.⁴ Однако мемуарные свидетельства привлекались этими авторами лишь эпизодически, целостное описание соответствующего источникового корпуса в историографии до сих пор отсутствует.

Изучая публикации воспоминаний, сохранивших сведения о России XVIII в., мы выявили 82 мемуарных текста, содержащих информацию об обучении детей на дому и в частных пансионах. В 13 из них присутствуют упоминания о преподавании иностранных языков в Москве и Санкт-Петербурге. Характерной чертой этих свидетельств является их хронологическая неравномерность. К первой трети XVIII в. относятся только два фрагмента, один из которых присутствует в мемуарах, созданных во второй половине столетия, а другой — в семейной хронике, записанной в XIX в. Ко второй трети XVIII в. относятся четыре свидетельства, отложившиеся в документах личного происхождения, написанных в конце XVIII — первой половине XIX в. К последней трети XVIII в. относится семь упоминаний. Все они сохранились в воспоминаниях, созданных в XIX в.

Такая неравномерность связана как с развитием практики мемуаротворчества, проявившейся в росте числа мемуарных произведений во второй половине XVIII в., так и с изменениями в содержании самих мемуаров, постепенно переходивших от описания службы мемуариста к характеристике его внутреннего духовного мира⁵. Известный специалист по истории отечественной мемуаристики А. Г. Тартаковский связывал начало этой эволюции с 1760-ми годами⁶. Поскольку образование (в особенности за пределами казенных учебных заведений) не явля-

³ Чечулин Н. Д. Русская провинция во второй половине XVIII века. СПб., 2010. С. 565.

⁴ Солодянкина О. Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX века). М., 2007. 512 с.; Сурина О. П. Иностранные языки в системе образования России XVIII в. // Педагогическое образование в России. 2008. № 3. С. 74–83; Ржеуцкий В. Французские гувернеры в России XVIII в. // Французский ежегодник. 2011. М., 2011. С. 58–80.

⁵ Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. М., 1991. С. 220.

⁶ Там же.

лось фактом служебной биографии, негосударственное обучение иностранным языкам в российских столицах до 1760-х годов практически не попадало в поле зрения авторов воспоминаний.

Самое раннее свидетельство о негосударственном обучении иностранным языкам, выявленное нами в мемуарах, содержится в записках географа и краеведа П. И. Рычкова (1712–1777 гг.), написанных в 1761–1771 гг. Будучи выходцем из купеческой семьи, он в 1720 г. был отдан на обучение директору полотняных фабрик И. П. Тамесу в Москве, под руководством которого освоил немецкий язык⁷. Высокий образовательный уровень купечества являлся характерной чертой российского общества XVII — первой четверти XVIII в.⁸ Это упоминание является единственным мемуарным свидетельством о негосударственном обучении иностранным языкам представителя недворянского сословия в XVIII в.

Еще одним мемуарным текстом, содержащим информацию о домашнем преподавании иностранных языков в первой трети XVIII в., являются «Рассказы бабушки», принадлежащие перу Д. Д. Благово (в 1882 г. принявшего монашество с именем Пимен). В 1850-х годах он записал воспоминания своей бабушки по материнской линии Е. П. Яньковой (1768–1861 гг.). Дмитрий Дмитриевич отмечал, что бабушка «живо помнила все предания семейства, восходившие до времен Петра I, и рассказывала с удивительной подробностью, помня иногда года и числа: кто был на ком женат, у кого было сколько детей, словом сказать, она была живою летописью всего XVIII столетия и половины XIX»⁹. В частности, Елизавета Петровна упоминала об образовании своего свекра — А. Д. Янькова (1720–1766 гг.), приходившегося внуком польскому шляхтичу, перешедшему в конце XVII в. на русскую службу. Александр Данилович получил достойное домашнее образование в Москве в 1720-х — 1730-х годах: «он прекрасно говорил и писал по-французски и по-немецки, учился итальянскому языку и португальскому»¹⁰.

Подробные воспоминания об изучении иностранных языков в петербургском пансионе в 1740-х годах оставил агроном и писатель А. Т. Болотов (1738–1833 гг.). В десятилетнем возрасте он был отдан в пансион преподавателя Сухопутного кадетского корпуса Ферре в Санкт-Петербурге¹¹, где находился более года. Мемуарист очень положительно отзывался

⁷ Рычков П. И. Записки // Русский архив. 1905. № 11. С. 298–299.

⁸ Перхавко В. Б. История русского купечества. М., 2008. С. 222–230.

⁹ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Д. Благово. Л., 1989. С. 5.

¹⁰ Там же. С. 41.

¹¹ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. 1. СПб., 1870. Стб. 104.

о содержателе пансиона и его супруге: «Учитель мой был человек старый, тихий и весьма добрый; он и жена его, такая же старушка, любили меня»¹². Андрей Тимофеевич отмечал, что основным из числа преподававшихся предметов был французский язык, а характеризуя методику обучения, применявшуюся в пансионе, писал: «Учение наше состояло наиболее в переводах с русского на французский язык Езоповых басен и газет русских; и метода сия недурна: мы через самое то спознакомливались от часу больше с французским языком, а перевода газеты, и с политическим и историческим штилем, и с званиями государств и городов в свете»¹³.

Одно из редких упоминаний об обучении девочек иностранным языкам содержится в «Записках» Е. Р. Дашковой (1743–1810 гг.), происходившей из аристократического рода Воронцовых. Екатерина Романовна рано потеряла мать и с четырех лет воспитывалась в семье дяди, канцлера М. И. Воронцова: «Мой дядя не жалел денег на учителей, и мы — по своему времени — получили превосходное образование: мы говорили на четырех языках, и в особенности владели отлично французским... некий статский советник преподавал нам итальянский язык»¹⁴.

Под влиянием Е. Р. Дашковой приступил к написанию своих записок и ее брат — государственный деятель и дипломат граф Александр Романович Воронцов (1741–1805 гг.). Так же, как и сестра, он воспитывался в семье дяди Михаила Илларионовича. По словам автора воспоминаний, М. И. Воронцов прислал из Берлина лучшую гувернантку, которая много занималась с детьми, и к пяти-шести годам «они незаметным образом научились французскому языку»¹⁵.

Следующее по времени упоминание об обучении иностранным языкам принадлежит графине Н. Н. Мордвиновой (1789–1882 гг.), которая в мемуарах, посвященных отцу — флотоводцу и государственному деятелю адмиралу Н. С. Мордвинову (1754–1845 гг.), писала, что он «брал уроки французского языка в пансионе, бывшем в то время единственным в Петербурге. Содержатель этого пансиона был итальянец Вентурини, а помощник его, француз, отставной сержант»¹⁶.

Еще одним представителем аристократии, оставившим воспоминания об обучении иностранным языкам, был князь И. М. Долгоруков (1764–

¹² Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. 1. СПб., 1870. Стб. 106.

¹³ Там же. Стб. 107.

¹⁴ Дашкова Е. Р. Литературные сочинения. М., 1990. С. 33.

¹⁵ Воронцов А. Р. Записки // Русский архив. 1885. Вып. 2. С. 231.

¹⁶ Мордвинова Н. Н. Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о семействе его. СПб., 1873. С. 343.

1823 г.), который провел детство в Москве. В его записках приводится программа домашнего образования, составленная его отцом и включавшая преподавание латинского, немецкого и французского. Первым учителем французского была «бонна» мадам Констан (Constante), учившая не только будущего мемуариста, но и его сестру Прасковью. В 1776 г. для преподавания французского, а также латыни был принят иезуит француз Совере, о котором Иван Михайлович отзывался положительно: «человек был умный, сведущий и крайне осторожный; сердце имел доброе и благородное»¹⁷. Содержащиеся в этих мемуарах сведения об изучении латыни носят уникальный характер, так как в XVIII в. в дворянских семьях делался упор на изучение живых языков.

Сын сибирского писателя П. П. Сумарокова (1765–1814 гг.) Петр Панкратьевич (использовавший псевдоним А. Сумароков) оставил воспоминания об обучении своего отца в доме тайного советника И. И. Юшкова в Москве. Владевший огромным состоянием Юшков являлся дальним родственником Сумарокова. Панкратий обучался в доме Юшковых с 12 до 18 лет и за это время получил достойное светское образование¹⁸. Сумароков занимался вместе с сыном Юшкова у французского гувернера Перло (m-r Perlo). По словам мемуариста, это был образованный, серьезный и умный человек, в совершенстве знавший французский и немецкий языки, хорошо игравший на фортепиано. Господин Перло был добросовестным наставником, сам следил за всем курсом образования. Кроме него в дом Юшкова ездили и другие учителя, но автор их не называл.

Граф Ф. П. Толстой (1783–1873 гг.) в своих мемуарах вспоминал об обучении французскому языку в доме отца, графа П. А. Толстого, в Санкт-Петербурге. Будущего мемуариста учил языку камердинер дяди, француз Булонь (Boulogne). По словам автора, читать и писать по-французски он уже умел с прописей. Методика преподавания заключалась в ежедневном прочтении нескольких страниц из французских книг, которых юный Федор не понимал, затем следовало списать этот текст в тетрадку, без объяснений и толкований со стороны учителя¹⁹.

Орловский помещик Н. Г. Левшин (1788–1845 гг.), выросший в знатной дворянской семье, получал домашнее образование в Москве в последней четверти XVIII в. вместе с братьями и сестрами. В доме сменилось

¹⁷ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего. Т. 1. СПб., 2004. С. 36–37.

¹⁸ Сумароков А. Записки отжившего человека // Вестник Европы. 1871. Кн. 8. С. 712.

¹⁹ Толстой Ф. П. Записки. М., 2001. С. 59.

восемь разных иностранных учителей (французы, немец, итальянец и голландец), которые наряду с прочими предметами обучали детей языку. Характеризуя своих наставников, Левшин описывал их личные качества и способы преподавания. Например, вспоминая своего пятого учителя — господина Пине, он писал: «г-н Пине... был в русской статской службе, имел чин 14-го класса, — по той единственно причине выведен был в чин, что женился на г-же Адамовичевой, Александре Степановне, дочери генерала Адамовича, в Смоленске. Пине был француз из простого звания, говорил изрядно, а грамматики и прочих [наук] не ведал. Он же учил нас и рисовать пером. Не зная нисколько правил искусства, заставлял нас чертить по бумаге, клетки городить»²⁰.

Известный издатель и публицист Н. И. Греч (1787–1867 гг.) вспоминал, что в 1797 г. в семью его отца, обер-секретаря Сената И. И. Греча, проживавшего в Санкт-Петербурге, был приглашен французский гувернер Деларгард (Delagarde), который должен был обучать Николая Ивановича и его брата Александра. По словам мемуариста, это был человек средних лет, умный, любезный, образованный, но неопытный и несведущий в деле воспитания и обучения. Греч вспоминал: «Он одевался и пудрился со вкусом, называл меня *monsieur Nicolas* и заставлял читать из азбуки, поправляя произношение. Тем уроки оканчивались. Механическое чтение надоедало мне. На третьей странице я начинал зевать и закрывал книгу... Вскоре, однако, увидели, что такое ученье не ведет ни к чему. У него с батюшкой была крупная экспликация (разборка), но потом он заболел от простуды и умер. Вместо него был взят другой француз, de Morencourt, уже обжившийся в России, тяжелый, ленивый, склонный к пьянству и порядочный невежда. Все уроки ограничивались механическим чтением и письмом; о языке и грамматике ни слова. Он как-то повздорил с батюшкой и получил увольнение»²¹.

Таврический губернатор М. М. Муромцев (1790–1879 гг.) вспоминал, что их дом в Москве, в Немецкой слободе в 1790-х годах был полон иностранцев: французский язык детям преподавала мадам Комб, специально выписанная из Франции. Но при этом немецкому языку учил дядька немец Вельц, который одновременно был кузнецом, и ему часто поручали лудить посуду, подковывать лошадей. В доме жили учителя француз Дюкре и итальянец Жульяни²².

²⁰ Левшин Н. Г. Домашний памятник Николая Гавриловича Левшина. 1788–1804 // Русская старина. 1873. № 12. С. 831–832.

²¹ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 96.

²² Муромцев М. М. Воспоминания // Русский архив. 1890. № 1. С. 61.

Практику обучения иностранным языкам в столичных пансионах, содержащихся французами, иллюстрируют «Записки» писателя, литератора Ф. Ф. Вигеля (1786–1856 гг.). В 1798 г. он находился в пансионе госпожи Форсевиль в Москве. Ее супруг, по словам Вигеля, был «больше похож на мастерового, чем на грамотного человека». Автор мемуаров особо остановился на личных отношениях с Форсевилем и на собственных способностях к овладению языками: «На природном языке говорил он как простолюдин, зато уверял, что весьма хорошо знает английский, и взялся два раза в неделю учить меня оному. Недостаток ли в его знании или в моих способностях был причиною, что я никаких успехов не сделал»²³. Созданное Вигелем описание пансиона Форсевила является последним по времени упоминанием негосударственного преподавания иностранных языков в российских столицах в XVIII в.

Говоря о рассмотренных мемуарных свидетельствах, следует отметить, что авторство принадлежит либо самим бывшим ученикам, либо их потомкам, документы отражают процесс обучения глазами взрослого человека, рефлексирующего над своим детством. Все эти воспоминания создавались по прошествии десятилетий после описываемых событий. Вместе с тем содержащаяся в них информация дает относительно подробные примеры учебных практик XVIII в. и после проведения критического анализа может быть использована в исследовательских целях. Основная часть сведений посвящена тем явлениям, которые оставили наибольшее впечатление в детской психике будущих мемуаристов: личностям учителей, составу предметов и методикам преподавания. Напротив, формальные аспекты организации обучения (условия найма учителей, юридический статус пансионов и т. п.) почти не отразились в текстах.

Следует отметить неравномерность информации о негосударственном преподавании иностранных языков в различных мемуарах. Наиболее подробные описания присутствуют в воспоминаниях А. Т. Болотова, Ф. Ф. Вигеля (у которых они связаны с обучением в частных пансионах), Н. И. Греча, И. М. Долгорукова и А. Сумарокова (записки которых отражают обучение на дому). У других авторов сведения по данной теме ограничиваются короткими упоминаниями. Однако в целом все рассмотренные свидетельства дают схожую картину обучения иностранным языкам в крупнейших городах России XVIII в.: оно велось непрофессиональными педагогами, в основном иностранцами, осевшими в России; ученики изучали в первую очередь французский, реже

²³ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 25–27.

велось преподавание итальянского, немецкого и других языков; методика образования обычно сводилась к простому заучиванию и переписыванию словарей и грамматик.

В целом социальное происхождение учеников, чье обучение попало на страницы мемуарных произведений, подчеркивает элитарный статус иностранных языков, владение которыми в российском обществе XVIII–XIX вв. являлось одним из главных признаков благородного человека. Среди авторов текстов налицо доминирование дворян, однако представлены далеко не все категории этого сословия. Пять сочинений заключают в себе информацию об изучении иностранных языков представителями относительно небогатого, но знатного столбового дворянства (воспоминания А. Т. Болотова, Н. Н. Мордвиновой, А. Сумарокова, Н. Г. Левшина и М. М. Муромцева). Четыре документа в той или иной степени посвящены образованию детей аристократов, а три текста так или иначе отражают овладение языками представителей дворянских родов, имевших иностранные корни («Рассказы бабушки» Д. Д. Благово, записки Ф. Ф. Вигеля и Н. И. Греча). Мемуары об обучении иностранным языкам в столичных домах и пансионах детей военного дворянства нами не выявлены. Данная картина указывает на существенную роль дворянства в вестернизации российского общества XVIII в. и косвенно свидетельствует в пользу того, что верхушка этого сословия занимала передовое место в этом процессе.